

ЭО, 2012 г., № 1

© А.А. Бурькин. Рец. на: *Шорский героический эпос. Том 1* / Сост., подгот. к изданию, вступит. ст., пер. на рус. яз., примеч. и коммент. Д.А. Функа. М.: ИЭА РАН, 2010; 2-е изд. Кемерово: ООО “Примула”, 2010. 392 с.

Рецензируемая книга, вышедшая одновременно двумя изданиями, представляет собой одновременно публикацию уникальных материалов по шорскому героическому эпосу, оставленных нам в наследство представителями последнего поколения исполнителей данного эпоса, и монографию в области эпосоведения и той относительно новой дисциплины, которую можно было бы назвать фольклорной антропологией. В издание включен ряд образов героического эпоса шорцев, а именно отрывок из сказания “Самый невысокий из ханов Хан-Перген” (с. 86–124), записанного С.С. Торбоковым, и тексты сказаний “Ездящий на вороном коне Кара-Хан” (с. 176–207), “Ездящий на сорокасаженном темно-соловом коне Хан-Мерген” (с. 228–263), “Солнца не видящая Кюн-Кёёк”, записанные В.Е. Таннагашевым.

Исследовательская часть рассматриваемой книги весьма объемна, разнообразна по содержанию и этим не похожа на аппарат издания эпических текстов. Она включает вступительную статью Д.А. Функа “Шорский сказитель С.С. Торбоков и его рукописное наследие (с. 16–49), масштабное Предисловие к публикации отрывка сказания “Самый невысокий из ханов Хан-Перген” (с. 50–85), статью публикатора “Последний сказитель”: В.Е. Таннагашев и современное состояние шорской эпической традиции (с. 139–162), а также меньшие по объему предисловия к публикациям названных выше текстов трех сказаний (с. 163–175, 223–227, 275–279), примечания и комментарии к текстам (с. 124–138, 208–222, 334–343). В заключительной части книги помещены также небольшая статья О.И. Благовещенской “Кайчи Торбоков Степан Семенович” (с. 344–345), автобиография С.С. Торбокова по материалам Т.С. Тюхтенева (с. 346–347), а также оригинальный текст сказания “Самый невысокий из ханов Хан-Перген” в прочтении исследовавшей его ранее Т.Г. Тачевой (с. 348–366) и машинописная копия оригинала сказания В.Е. Таннагашева “Солнца не видящая Кюн-Кёёк”, сохраняющая все особенности оригинальной самозаписи сказителя. В заключительной части книги даны словарь переведенных слов (с. 381–382), своего рода миниатюрный этнографический глоссарий, основательная библиография (с. 383–391) и список использованных сокращений (с. 392).

Д.А. Функ пишет: “Публикуемые тексты – это не единичные и не единственные примеры попыток шорцев – сказителей, поэтов, писателей, учителей, студентов, порой даже работников коммунистических и советских органов власти нашего недавнего прошлого – сохранить уникальное культурное наследие своего народа. Примеров такого рода известно довольно много. И хотя на этой странице истории шорской культуры пока еще много белых пятен, есть надежда, что и она когда-нибудь будет тщательно заполнена историками науки” (с. 7). Здесь автор совершенно прав – мы еще долго будем находить неизвестные факты и события из истории становления культуры и письменности языков народов России там, где этого не могли бы ожидать. Так, любопытнейшие факты из сферы бытования шорской письменности и становления литературного языка у шорцев присутствуют в воспоминаниях Г.Д. Кусургашева, которые ни по названию, ни по месту публикации и размещения никак не привлекли бы внимания (Кусургашев 1995: 15–16).

Надо сказать, что деятельность самих шорских знатоков фольклора и тех представителей шорского народа, которые оказывали им поддержку, сохраняли среду, в которой хотя бы в каких-то формах продолжал бытовать шорский фольклор, создали такие социокультурные условия, при которых оказалась возможной массовая самозапись масштабных эпических сказаний, причем самозапись, предельно близкая к традиционной форме (не сокращенная до конспекта и не обработанная в приближении к литературе), представляет собой уникальный культурный феномен, относящийся к советским временам и не имеющий аналогов на постсоветском пространстве¹.

Необычность состава рецензируемого издания делает его чрезвычайно насыщенным по информативности, причем здесь мы хотели бы отметить как раз те сведения и те аспекты будущих исследований фольклора народов Сибири и России по записям XX–начала XXI веков, на которые

Алексей Алексеевич Бурькин – д. ф. н., ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); e-mail: albury@rambler.ru

никогда не обращалось внимания. Так, вступительная статья к публикации сказания “Самый невысокий из ханов Хан-Перген” из наследия С.С. Торбокова показывает нам, с одной стороны, интерес и некоторое внимание к признанным исполнителям фольклора, которое оказывалось официальными учреждениями культуры в 1960-е–1970-е годы, с другой – минимум результатов в области изучения, публикации и даже пропаганды культурного наследия народов Сибири в те же годы. В подобных случаях публикатор вводит в оборот уникальные архивные материалы, относящиеся к издаваемым им текстам – документы, сопровождающие приобретение текстов музеями и архивами, предварительные итоги работы исследователей над публикуемыми им памятниками и их вариантами, которые были зафиксированы другими собирателями, сведения об архивных записях. Таким образом, перед нами не просто издание текстов, это по существу монография о сюжетике шорского эпоса, о его состоянии, социологии бытования фольклора и степени его включенности в современную региональную и этническую культуру.

Вообще внимание к неопубликованным архивным материалам и ранним публикациям, к истории собирания и изучения фольклора тюркских народов Алтая и Сибири – это то, что очень характерно для работы самого издателя как фольклориста. Достойна быть примером и работа Д.А. Функа – собирателя, переводчика, комментатора, издателя – в роли лингвиста, который способен самостоятельно не только записывать и переводить фольклорные тексты любой сложности, включая старые архивные записи, с нескольких (пусть и близкородственных) языков, но и комментировать эти тексты в языковом отношении.

Издание образцов шорских героических сказаний, осуществленное Д.А. Функом, позволяет автору – а вслед за ним и нам – ставить новые вопросы, связанные с изучением героического эпоса и фольклорной традиции в целом. Автор пишет о своих предшественниках: “...упомянутые исследователи не ставили перед собой задач изучения именно “эпической традиции”, ограничиваясь, как правило, лишь записью отдельных образцов фольклора. Исходя из того, что эпическая традиция не есть лишь простая совокупность сказительских школ <...>, а нечто большее, что обязательно включает в себя еще и “эпическую среду”, в том числе и собственно “эпическую аудиторию”, хранящую “эпическое знание”, попробуем рассмотреть подробнее отдельные ее составляющие на заявленном шорском материале” (с. 144). Поставленная задача решена полностью. Автор очень хорошо продемонстрировал нам основные составляющие той фольклорной среды, которая сохранила и дала какой-то новый особый импульс развития шорскому фольклору и смогла сохранить эпическую традицию, хотя шорцы, в отличие от жителей отдаленной тундры и тайги, по существу, живут сейчас в городах и пригородах крупных городов. Изучение социума носителей фольклора, исполнителей и его компетентных реципиентов, история собирания фольклора и судьба конкретных текстов и собраний, биографии и архивы исследователей фольклора и место отдельных произведений в их научной и эдиционной деятельности, а также фольклорная этнография (отражение этнической культуры в фольклоре заведомо неточно) и язык фольклора в его отношении к разговорному языку и к включенности в лингвистический диалог, итогом которого становится научное описание языка – все это и составляет комплекс тех дисциплин, которые можно объединить в рамках фольклорной антропологии. Важно, что Д.А. Функ при характеристике своего материала обращает внимание на такие аспекты полевой и исследовательской фольклористики, как проблемы общения с информантами и исполнителями человека, владеющего их родным языком, и человека, не владеющего этим языком (с. 141–142): предпочтение, естественно, отдается тем, кто владеет языком исполнителей как лингвист-профессионал или знаток языка, интегрированный в социум говорящих.²

Наверное, данное издание и предшествовавшая ему многолетняя работа собирателя и публикатора не были бы осуществлены столь успешно, если бы не помощь зарубежных коллег и научных фондов – проекта “Постсоветские политические и социально-экономические трансформации у аборигенных народов Севера Российской Федерации” (2001–2004, рук. Х. Бич; финансирование Юбилейного фонда Банка Швеции) и Фонда исчезающих языков, США (2003, рук. Д.А. Функ (см. с. 9). Собственно говоря, данное издание является собой довольно редкий пример полностью успешного использования зарубежных проектов и грантов, давшего эксклюзивные по значимости результаты. Разносторонность комментариев и разнообразие аспектов исследования текста, изучение окружения сказителей и разнообразных конвоев фольклорного текста (репертуар сказителей и его школы, состав архивов собирателей, связанные со сказителем и локальной традицией и т.п., является характерной особенностью начатого автором книги издания шорского эпоса, и то, что, как кажется, составляет будущее фольклористики XXI в.

Фольклорные тексты, вошедшие в рецензируемую книгу – это не только ценнейший образец шорского героического эпоса, и не только верхушка айсберга, позволяющая видеть лишь небольшую часть того, что может быть опубликовано и введено в научный оборот из наследия шорских сказителей, но и прекрасный материал для продолжения исследований в области сюжеттики и поэтики эпоса народов Южной Сибири и типологии эпоса. Сам автор пишет: “Очевидно, что, хотя более или менее точное представление о сюжетном составе шорского эпоса и классификации всех доступных эпических текстов остается делом будущего, все же какие-то параллели, характерные сюжеты и регулярно используемые в разных сюжетах мотивы можно обнаружить уже на этой стадии изучения шорского героического эпоса” (С. 227). Сюжетика и экспозиция текста “Самый невысокий из ханов Хан-Перген” наводит рецензента на следующие соображения. В тексте есть два основных персонажа – это сам Хан-Перген и его старшая сестра Хан-Арго. Важную роль в этом эпосе играют мотивы женитьбы героя и замужества героини, что особенно интересно в связи с тем обстоятельством, что союз младшего брата и старшей сестры является единственной формой нарушения экзогамии и инцеста, встречающейся в мифологических рассказах, содержащих мотив наказания за инцест (*Бурькин* 2003: 243–247) или в сообщениях этнографов о допустимых формах брака у тувинцев (*Басангова* и др. 2010).

Полнота текстов, сюжетная завершенность, великолепное качество проработки всех деталей делают публикуемые тексты важным источником для продолжения исследований в области типологии эпоса, в частности, в историко-типологической характеристике неэтнизированных форм эпоса, когда сказитель не отождествляет героев своего сказания с предками, и в соотношении героического эпоса и богатырской сказки по форме и содержанию.

Последнее, о чем стоит сказать – рецензируемая книга вышла в свет одновременно в двух изданиях: в Москве и в Кемерове, одно из них предназначается для исследователей, второе – непосредственно для хранителей и продолжателей традиции исполнения шорского фольклора. Такое совмещение изданий – причем оба выпуска книги идентичны, что немаловажно – можно только приветствовать.

Как нам понятно, выход в свет рецензируемого труда открывает серию публикаций материалов по шорскому героическому эпосу. Хочется пожелать автору – неутомимому исследователю этнографии и фольклора народов Южной Сибири – успехов в осуществлении его начинания.

Примечания

¹ Видимо, причина уникальности языковой и социокультурной ситуации в сфере образования у шорцев – то, что льготы и привилегии в этой области, которые с 1930-х годов имели представители многих народов Сибири и Дальнего Востока, распространились на шорцев только в 1980-е годы, и этим вызвана аутентичная образованность и особая культурная маркированность шорской интеллигенции, сыгравшая решающую роль в сбережении культурного наследия. (*Бурькин* 2005: 82–84).

² Характерно, что этнические пользователи языка проявляют себя как квалифицированные фольклористы в основном в стабильной языковой ситуации и существования устойчивой научной парадигмы, а также большого числа пользователей этнического языка. Что касается народов Сибири и Дальнего Востока, не имевших собственной научной традиции, здесь мы видим повсеместно в целом отрицательные результаты. Был глубоко прав Ю.С. Рытхэу, изобразивший в повестях “Полярный круг” и “След россомахи” своих земляков и соотечественников, представителей гуманитарных наук, со скрытой иронией. С 1970-х годов собрание эвенкийского фольклора стало привилегией женщин-представительниц этого народа: результат – то, что публикация материалов тома “Эвенкийские героические сказания” (Новосибирск, 1990) осуществлена по самозаписи исполнителя, полученной А.Н. Мыреевой в конце 1960-х годов, и продолжения в издании эвенкийских фольклорных текстов в рамках серии “Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока” пока не последовало.

Литература

Басангова и др. 2010 – *Басангова Т.Г. Бурькин А.А., Решетов А.М.* Неизвестное издание Ф.Я. Кона // Новые исследования Тувы, 2010, № 2. Электронный журнал. (http://www.tuva.asia/journal/issue_6/1727-basang-buryk-resh.html).

- Бурыкин 2003 – Бурыкин А.А. Мотив наказания за инцест в фольклоре народов Приамурья: три возможных объяснения // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., “Петербургское востоковедение”, 2003. С. 238–247;
- Бурыкин 2005 – Бурыкин А.А. Этнозация образования и перспективы сохранения родных языков и традиционной культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Материалы международной научно-практической конференции “Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири”. Новосибирск, 2005. С. 78–89.
- Кусургашев 1995 – Кусургашев Г.Д. Призраки колымского золота / предисл. Р. Гостева, Э. Ефремова. Воронеж 1995. (http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_book61c0.html?id=85155&aid=39).

ЭО, 2012 г., № 1

© А.А. Субцельный. Рец. на: М.Д. Долбилов. *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II* // *Historia Rossica*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Так уж получилось, что усвоенная из школьных учебников истории классическая формула “самодержавие, православие, народность” если и находит себе применение сейчас, то лишь в виде речевых спекуляций во властном дискурсе. Между этой известной триадой графа Уварова, приведенной современными политиками к виду “единых границ, единой веры, единой нации”, и размытой сегодняшней российской повседневностью пролегает не то что пропасть, а целая бездна. Однако людям, не искушенным в историографии, куда более поразительным представляется тот факт, что и в Российской империи зачастую не очень понимали, как и при помощи кого/чего следует претворять декларируемое в жизнь. Социальные инженеры и рядовые исполнители того времени сталкивались помимо прочего с противоречивостью различных элементов и спотыкались о свои неверные представления, переосмыслившие *ad hoc* или же намеренно оставляемые неизменными, чтобы подмять под них саму реальность. О том, как преодолевались эти и другие трудности, о встрече “лицом к лицу” самих имперских властей с пестрой массой подданных в прежде незнакомых или непривычных ситуациях или контекстах” (с. 22) и рассказывается во внушительно-объемистой монографии М.Д. Долбилова “Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II”.

Как указывает автор, данная книга – «еще одна попытка добраться до центра империи – и ядра имперскости – “окольным” путем, через периферию» (с. 36). Таким образом, в фокусе оказывается функционирование на западных окраинах огромной страны в 1860–1870-х гг. имперского механизма, который реализует себя в своеобразных, порой причудливых формах, через единую национальную – нацию созидающую – политику, как она тогда понималась. Особую роль в соприкосновении бюрократии с населением при этом играло соотношение конфессионального и этнического факторов. Последний, впрочем, с трудом мыслился в XIX в. в отрыве от первого – известно, например, что этническая принадлежность при учете населения, как правило, определялась через установление вероисповедания (с. 16).

Александр Александрович Субцельный – студент отделения прикладной политологии факультета менеджмента НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург; e-mail: littlepyre@yandex.ru